

✦ Классическое наследие

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР*

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ*

Аннотация: В публикуемом фрагменте рассматриваются сходства (параллели) иудейской и христианской религий с примитивными религиями, в частности в природе божеств и формах культа (обрядов). Далее автор переходит к вопросу о возникновении жречества и рассматривает ранние этапы этого процесса: выделение жреческих функций из функций знахаря и закрепление их через наследование жреческих обязанностей потомками.

Abstract: In this part of the text Spencer considers similarities (parallels) between Judaism and Christianity and primitive religions, in particular in the nature of deities and in forms of worship (observances). Then he turns to the origins of priesthood and considers the early phases of its formation such as separation of priestly functions from the functions of medicine-men and their fixing through inheritance of priestly duties by their descendants.

Ключевые слова: религиозные институты, религиозные идеи, обряды, умилостивительные обряды, знахари, жрецы и жреческая функция.

Keywords: ecclesiastical institutions, religious ideas (beliefs), observances, propitiatory observances, medicine-men, priests and priestly function.

Глава I. Религиозная идея (продолжение)

§ 587. Есть ли какие-нибудь исключения из этого обобщения? Следует ли нам заключить, что среди множества религий, обладающих изменчивой формой и разной степенью разработанности, но имеющих это общее происхождение, есть какая-нибудь, имеющая иное происхождение? Должны ли мы сказать, что в то время как все остальные религии естественны, религия иудеев, дошедшая до нас с модификациями, сверхъестественна?

Если в поисках ответа мы сравним эту предположительно исключительную религию с другими, то не обнаружим, что она настолько уж от них отличается, чтобы предполагать иное происхождение. Напротив, мы увидим, что она от начала и до конца демонстрирует замечательное сходство с ними. Рассмотрим все по порядку.

* Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

** Продолжение, начало в предыдущем выпуске. Перевод сделан по изданию: Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. III. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.

Прежде всего, протоплазма суеверий, в гуще которой развилась религия евреев, обладала той же природой, какая обнаруживается повсюду. Хотя на ранней номадической стадии вера в непрерывно существующую душу была еще неразвитой, вместе с тем оставалась очевидной вера в реальность сновидений и видимых во сне существ. На более поздней стадии мы находим предположение, что мертвые слышат живых и иногда даже им отвечают; мертвых пытались умиловить, истязая свое тело и остригая волосы; мертвым приносили пищу; считалось, что духи умерших живут в местах захоронений, а демоны, вселяясь в людей, становятся причиной болезней и прегрешений. Питая, подобно существующим ныне дикарям, пристрастие к амулетам, заклинаниям, изгнанию нечистой силы и т.п., евреи имели также функционеров, соответствующих знахарям: это были «вызыватели умерших», «чародеи» (Ис. 8, 19) и другие люди, коих первоначально называли «прозорливцами», а потом стали называть «пророками» (1 Цар. 9, 9); им делали подношения в обмен на информацию, даже когда искали потерянных осликов. А Самуил, вызывая гром и дождь, выполнял роль распорядителя погоды; этот персонаж до сих пор обнаруживается в разных районах мира.

Различные предания являются общими для них с другими народами. Их легенда о потопе, помимо того что связана с аналогичной аккадской легендой, была связана с такой же легендой индусов, у которых *Шатанатха-брахмана* рассказывает о том, как Ману получил от Вишну распоряжение построить ковчег для спасения от грядущего наводнения, которое случилось, как было предсказано, и «смыло с лица земли всех живых тварей; остался один Ману». Рассказ о рождении Моисея имеет параллель в ассирийском сказании, где говорится: «Я Саргина, великий Царь... моя мать... в тайном месте исторгла меня на свет: она положила меня в лодку из камышей... бросила меня в реку» и т.д. Схожим образом обстоит дело с календарем и вытекавшими из него обрядами. «Ассирийские месяцы были лунными... седьмой, четырнадцатый, двадцать первый и двадцать восьмой дни были субботами. В эти субботные дни дополнительная работа и даже оказание помощи другим были запрещены... Эти законы по своему характеру были подобны законам иудейского кодекса».

Так же обстоит дело с их теологией. Общее название *Элогим* охватывало выдающихся живых людей, обычных призраков, высших призраков, или богов. Иначе говоря, у евреев, как и у египтян и многих других народов, под богом подразумевалось просто могущественное существо, зримо или незримо существующее. Как египетское слово, обозначавшее бога, *Нутар*, по-разному использовалось, чтобы подчеркнуть силу, так и слово *Ил*, или *Эл*, у евреев применялось к героям, а также «к богам язычников». Из этих представлений выросло, как и в других случаях, умиловительное или культ различных сверхъестественных существ — политеизм. Авраам был полубогом, к которому обращали молитвы. «Приносили жертвы бесам, а не Богу, богам, которых они не знали, новым, *которые* пришли от соседей и о которых не помышляли наши отцы» (Втор. 32, 17). То, что долгое время сохранялась вера в других богов, кроме Яхве, показывают жертвы, приносимые им Соломоном, а также осуждающие заявления пророков. Более того, даже после того, как Яхве стал признанным великим богом, общие представления оставались в сущности политеистическими. Ибо, точно как в *Илиаде* (кн. V, 1000–1120) боги и богини изображались сражающимися мечом или копьем в битвах смертных, которым они сочувствовали, так и ангелы и архангелы еврейского пантеона описывались воюющими на небесах,

в то время как народы, коим они покровительствовали, сражались на земле. У обеих идей есть параллели в представлениях некоторых ныне существующих дикарей.

Видя, стало быть, что первоначально Яхве был одним из многих богов и лишь впоследствии стал высшим, спросим себя, какова была его природа, судя по сохранившимся документам. Не полагаясь на сказание об Эдеме (вероятно, заимствованное у аккадцев), где Бог прогуливался и разговаривал как человек, и не останавливаясь на том времени, когда «сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие» (Быт. 11, 5), мы можем обратиться к тем случаям, когда с ним боролся Иаков и когда «говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим» (Исх. 33, 11). Эти и многие подобные им утверждения показывают, что Яхве, «крепкий» и «сильный в брани», будучи у евреев первоначально местным властелином (как и правители, коих поныне зовут богами бедуины), стал позднее считаться самым могущественным среди многочисленных почитаемых духов: местами, где ему приносили жертвы, были сначала высоты (4 Цар. 12, 3), в частности те возвышенные места, которые обычно использовались для погребения высокопоставленных лиц; они до сих пор так используются в обсуждаемых здесь регионах. Как говорит Буркхардт о бедуинах, «могилы святых обычно находятся на горных вершинах», и «к нему [святому] все живущие поблизости арабы обращают свои мольбы». Здесь мы видим параллель ранним религиозным представлениям греков, скандинавов и других народов, у которых боги, ничем с виду неотличимые от людей, иногда вступали с ними в конфликт и не всегда достигали в этом успеха. — Более того, этот «Бог сражений», чьи суровые наказания, часто обрушивающиеся на людей, вызывались их неповиновением, был со всей очевидностью местным богом — «богом Израиля». В повелении «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20, 3) вовсе не подразумевалось, что других богов нет; речь шла всего лишь о том, что израильтянам не следует признавать их власть. Допущение того, что еврейский бог не был единственным, неявно предполагается выражением «наш бог», употребляемым евреями с целью отличить Яхве от других. И хотя рядом с этими допущениями касательно того, что Яхве — лишь один бог среди многих, шли утверждения о всеобщности его правления, параллельно этому существовали утверждения о некоторых богах египтян и, сверх того, утверждения, касающиеся живого фараона, о котором говорилось: «ни одно место не остается без твоей благости. Твои слова — закон каждой земле... Миллионы ушей у тебя... Что бы ни творилось в тайне, твой глаз все видит». — Наряду с ограничением власти Яхве в пространстве, налагались ограничения и на ее степень. Не было никаких претензий на всемогущество. Не забывая о его предполагаемой неудачной попытке лично убить Моисея, мы можем перейти к поражениям, которые потерпели израильтяне, вступив по его наущению в войну, как произошло в двух сражениях с вениамитянами и в битве с филистимлянами, когда «ковчег Божий был взят» (1 Цар. 4, 3-11). Кроме того, мы узнаем, что хотя «Господь был с Иудою», он «жителей долины не мог прогнать; потому что у них были железные колесницы» (Суд. 1, 19). Иначе говоря, у бога иудеев были такие же слабости, какие другие народы приписывали своим богам. — Так же обстоит дело с умственной и нравственной природой. Яхве получает какие-то сведения; он ходит проверять, правдивы ли были сообщения; он сожалеет о том, что сделал. Всем этим предполагается что угодно, но только не всемогущество. Подобно египетским и ассирийским царям, он беспрерывно хвалит самого себя. И когда он говорит: «Славы

Моей не дам иному» (Ис. 48, 11), — он показывает себя ревнивым, мстительным и безжалостным к врагам. Он посылает духа лжи, чтобы тот ввел в заблуждение царя, подобно тому, как Зевс у греков поступил с Агамемноном (2 Пар. 18, 20-22). Он желает своим наущением обмануть пророка, чтобы тот дал ложное пророчество, собираясь затем его истребить (Иез. 14, 9). Он ожесточает сердца людей, чтобы можно было навлечь на них беды за то, что они вследствие этого сотворят. Подстрекая Давида пересчитать израильтян, он предлагает совершить грех, с тем чтобы после этого покарать тех, кто его совершил. Он поступает так, как поступали греческие боги, от которых, как предполагалось, исходили дурные импульсы и которые были так же, как и он, неразборчивы в своей мстительности.

Формы культа демонстрируют аналогичные параллели. Нам нет нужды останавливать свое внимание на предполагаемых или действительных человеческих жертвоприношениях (хотя из слов Михея, объединяющего в гл. 6, ст. 6-9 принесение в жертву сына в одну группу с принесением в жертву овнов и тельцов как способы умилоствления, которые надлежит отвергнуть, следует, что в сознании еврея первое и второе были связаны); достаточно будет указать на то, что предписываемые храмовые церемонии всюду имели общие характеристики. Называемые в бесчисленных местах «хлебом Бога», приношения, подобно тем, которые делались египетским богам и мумиям, включали в себя хлеб, мясо, жир, масло, кровь, напитки, фрукты и т.д.; и так же, как у других народов, поддерживался постоянный огонь и совершалось сожжение благовоний: евреи делали это два раза в день, мексиканцы — четыре. Яхве, как предполагалось, наслаждался «благоуханием» жертв всесожжения, подобно обитавшим в идолах негритянским богам (§ 161). Соединенное с убеждением, что «кровь — это жизнь», сие «благовоние», проливаемое по обстоятельствам на землю или на алтарь, предназначалось для Яхве, как и в случае мексиканских и центральноамериканских богов, которым подобным же образом непрерывно преподносилась кровь приносимых в жертву людей и животных: иногда ею окроплялось изображение бога, иногда карниз над входом в храм. В точности как египтяне и греки, евреи приносили в жертву своему богу бесчисленное множество быков и овец; иногда число их достигало многих тысяч (3 Цар. 8, 62-64). Для евреев было высочайшей заповедью, чтобы непорочные животные использовались только для жертвоприношений; и точно так же у греков «закон предусматривал, чтобы лучший скот приносился в жертву Богам», а перуанцы подчинялись безусловному требованию, чтобы «все было незапятнанным и непорочным». Существует, вдобавок к тому, еще более примечательное сходство. Указания в книге Левит, согласно которым некоторые части животных надлежит отдавать Яхве, а другие оставлять жрецам, напоминают о правилах, по которым египетские землевладельцы следили за тем, чтобы их призракам преподносились определенные суставы жертвенных животных, а оставшиеся части передавались жрецам *ка*. — Мы уже видели, что боги ваяо, которые были призраками древних великих вождей, селились на облачных вершинах расположенных поблизости гор, а местом обитания «тучесобирателя Юпитера» была вершина Олимпа, где собирались штормовые ветры. Опять же, как и они, бог иудеев «сходил в облаке» на вершину горы Синай, иногда в сопровождении грома и молнии. Более того, утверждение, что именно оттуда Моисей принес скрижали с заповедями, которые будто бы дал ему Яхве, имеет параллель в утверждении, что с горы Ида на Крите, из пещеры, куда якобы был унесен Зевс (или со связанной с ней горы Юктас, где,

как считали в древности, находилось место захоронения Зевса), Радамант впервые принес установления Зевса, а Минос часто туда наведывался, чтобы добиться упрочения силы его законов (см. прим. 1).

Можно вкратце упомянуть и другие сходства. С описанием совета, созданного Яхве для обсуждения того, как истребить Ахава, можно сравнить описание совета египетских богов, созданного с целью дать совет Ра, когда замышлялось разрушение мира, а также описания советов греческих богов, которыми руководил Зевс. Различные народы, отправляясь на войну, брали с собой изображения богов, в которых те, как считалось, обитали; так, евреи брали с собой ковчег завета, который был обиталищем Яхве. Как у многих дикарей, которым даже при жизни не нравилось, чтобы другие знали их имена, было запрещено называть умершего человека, особенно незаурядного, его настоящим именем, как у древних римлян была «глубокая вера в то, что имя духа-хранителя общины должно навсегда остаться непроизнесенным», так же было в древние времена и у евреев: их бога не называли по имени. Одной из форм поклонения у евреев был танец, так же как у греков и различных дикарей, например ирокезов. Пост и искупления, подобные иудейским, существуют или когда-то существовали во многих местах, особенно в древней Мексике, Центральной Америке и Перу, где они отличались крайней суровостью. Предположительное исполнение пророчеств у евреев имело параллель в предположительном исполнении пророчеств у греков, и греки так же воспринимали его как доказательство истинности своей религии. Более того, то же сообщается о жителях Сандвичевых островов, говоривших, что смерть капитана Кука «исполнила пророчества жрецов, предсказавших его печальную кончину». Предполагаемое совершение иудейским богом чудес, преподносимое как нечто особое, является одной из обычных вещей, которые приписываются богам всеми народами по всему миру. Вознесение живого Илии напоминает халдейскую легенду о «вознесенном предке» Издубара, которого звали Хасисадра, или Ксисутра; а в мифологиях Нового Света мы находим истории о Гайавате, вознесшемся живым на небо в своем магическом каноэ, а также о герое араваков Араванили. Как у евреев Яхве представляется сначала являвшимся людям в человеческом облике, а затем переставшим это делать, так и у греков явление богов человеку, о котором часто говорится в «Илиаде», в позже датируемых преданиях становится редкостью. Более того, то же случилось у древних жителей Центральной Америки. В ответ на вопрос Фр. де Бобадиллы один индеец сказал: «Уже давно наши боги не приходят и не разговаривают с ними [верующими]. Но вот раньше они часто это делали. Так рассказывали наши предки».

Не обходится без параллелей и при обращении к более развитой форме еврейской религии. То, что историю о человеке, имеющем божественное происхождение, христиане обычно рассказывают так, как будто она является чем-то особенным для их религии, странно, если учесть, что они хорошо знают истории о людях божественного происхождения у греков: Эскулапе, Пифагоре, Платоне. Однако не только греческая религия предоставляет такие параллели. Ассирийский царь Навуходоносор заявлял, что был рожден богом. У монголов есть предание, что Алунг Гоа, у которой самой «отцом был дух», родила от духа трех сыновей. В древнем Перу, если какая-то из девушек Солнца «оказывалась беременна, она говорила, что это от Солнца, и люди этому верили, если только не было явных доказательств противоположного». А у нынешних обитателей Мангайи бытует предание, что «красавица Ина-

ани-ваи» родила двух сыновей от великого бога Тангароа. Положение посредника, занимаемое богорожденным сыном, тоже аналогично положению, которое он занимает в других религиях. Среди фиджийских богов «Токаурамбе и Туи Лакемба Рандинандина, видимо, стоят по значимости сразу после Нденгеи, будучи его сыновьями и выступая в качестве посредников, передающих мольбы просителей своему отцу».

Опять же, в различных местах мы находим обряды, соответствующие святому причастию. Все такие обряды уходят корнями в примитивное представление о том, что природы людей, присутствующие во всех их частях, присутствуют также во всем, что с ними соединяется; так устанавливается связь между теми, кто ест одну и ту же пищу. Выбирая один из множества примеров, я могу назвать падамов, «считающих нерушимыми любые узы, скрепленные взаимным обменом мясом как пищей». Поскольку люди верят, что призраки умерших, у которых сохраняются все их желания, питаются либо материальной пищей, приносимой им в жертву, либо ее духом, то это представление переносится на них. Отсюда в разных районах мира возникают пиршества, на которых будто бы объединяются живые и мертвые, обновляя тем самым связь субординации, с одной стороны, и дружелюбия, с другой. И такое разделение трапезы с духом или богом, преобразованное мексиканцами в «съедение бога» (символом коего служит кекс из теста, замешенного на крови жертвы), связывалось с переходом в услужение к богу на какой-то установленный период. — Коротко сопоставляя еще другие мелкие сходства, мы можем заметить: что христианские крестовые походы с целью овладеть гробом господним имели прототипом священные войны греков за получение доступа в Дельфы; что как у христиан часть культа состоит в пересказе деяний иудейского бога, пророков и царей, так и у греков культ состоял отчасти в пересказе великих подвигов гомеровских богов и героев; что в греческие храмы, как и в христианские соборы, щедро приносили дорогие дары правители и состоятельные люди, желавшие тем самым получить божественное благоволение или прощение; что собор св. Петра в Риме был построен на деньги, собранные в разных католических странах, в точности как и восстановление святилища в Дельфах осуществлялось за счет вкладов разных греческих государств; что доктрина особых провидений, общая для всего мира, господствовала у греков точно так же, как у христиан, в результате чего, по словам Грота, «жизни Святых напрямую возвращают нас к простой и вечно живой теологии гомеровской эпохи»; и, наконец, что различные религии как в Старом, так и в Новом Свете показывают нам общие для них с христианством крещение, исповедь, канонизацию, обет целомудрия, произнесение молитв и другие мелкие обряды.

§ 588. Какие выводы сделать нам из всех этих сведений? Что следует нам думать об этом характерном единстве, проявляемом религиями в целом? И, в более конкретном плане, что надлежит нам сказать о родовом сходстве, которое существует между верой христианского мира и другими вероисповеданиями? Будем опираться на факты.

Как в сознаниях цивилизованных людей, отрезанных неисправностями в чувственном аппарате от воспитания и обучения, так и в сознаниях разных примитивных народов религиозных представлений не существует. Везде, где бы мы ни находили их рудименты, ими всегда оказываются представления о мертвых. Теория призраков, которая вместе с вытекающим из нее культом имеет своей формой веру в двойников обычных призраков и принесение им жертв, обычно сохраняется вместе

с верой в сверхъестественных существ более могущественных видов и преклонением перед ними; последние существа, известные поначалу под тем же общим именем, что и обычные призраки, затем постепенно от них дифференцируются. Что же касается культов воображаемых сверхъестественных существ, включая самые высшие, то по природе своей они одинаковы и отличаются друг от друга разве что степенью сложности. Что вытекает из этих соответствий? Разве не вытекает из них, что религии, как и все прочие явления, проявляемые людьми, собранными в социальные агрегаты, имеют естественное происхождение?

Должны ли мы сделать исключение для религии, бытующей у нас самих? Если мы скажем, что за ее сходствами с остальными скрываются несоизмеримо превосходящие их различия, то мы должны будем признать и ряд вытекающих отсюда следствий. Во-первых, что Причина, которой мы не можем поставить никаких пределов ни в Пространстве, ни во Времени и для которой вся наша Солнечная система является сравнительно незначительным продуктом, приняла облик человека с целью заключить соглашение с пастырем-вождем в Сирии. Во-вторых, что эта Энергия, беспрестанно проявляющая себя повсюду в прошлом, настоящем и будущем, наделила саму себя в этой человеческой форме не только ограниченным знанием и ограниченными способностями, которыми, как видно из разных мест *Ветхого Завета*, обладал Яхве, но и моральными качествами, которые мы ныне сочли бы дискредитирующими человека. И, в-третьих, что мы должны предположить намерение, даже еще более отвратительное для нашего морального чувства. Ведь если эти многочисленные параллели между христианством и другими религиями не доказывают сходства происхождения и развития, то отсюда следует, что была сознательно задумана чистая симуляция естественного сверхъестественным с целью обмануть людей, критически анализирующих то, чему их учат. Были подстроены видимости с целью ввести в заблуждение честных исследователей, дабы их можно было вечно проклинать за поиски истины.

На тех, кто принимает эту последнюю альтернативу, не могут повлиять никакие разумные доводы. Здесь мы окончательно с ними расходимся, приняв первую альтернативу, и, приняв ее, мы обнаружим, что церковные институты сразу становятся понятными в своем росте и прогрессивном развитии.

Глава II. Знахари и жрецы

§ 589. Между жрецами и знахарями трудно провести удовлетворительное различие. Предметом заботы тех и других служат сверхъестественные агенты, бывшие в первоначальных формах призраками, а применяемые ими способы обращения с этими сверхъестественными агентами переплетаются настолько по-разному, что поначалу их вовсе невозможно ясно классифицировать.

У патагонцев одни и те же люди выступают в «трехстороннем качестве жрецов, магов и врачей», а у индейцев Северной Америки соединяются функции «колдуна, пророка, врача, заклинателя, жреца и вызывателя дождя». Пеимены в Гвиане «действуют как волшебники, предсказатели, лекари, судьи и жрецы». Эллис говорит, что на Сандвичевых островах врачами тоже обычно бывают жрецы и колдуны. В других случаях мы находим зачатки упомянутого разделения — например, у новозеландцев, у которых в каждом племени, вдобавок к жрецам, был хотя бы один человек, слывший колдуном. С развитием социальной организации обычно закрепляется постоянное разделение.

Раньше всех появляется знахарь. В описаниях деградировавших огнеземельцев речь идет только о кудесниках; даже об относительно развитых по сравнению с ними мапуче, живущих на прилегающем континенте, мы читаем, что у них нет жрецов, хотя есть прорицатели и маги. В австралийских племенах единственные люди, общающиеся со сверхъестественным, — *бойяла*, или врачеватели. То же самое предполагается Бонвиком в отношении тасманийцев. Более того, еще во многих других случаях люди, которые у нецивилизованных народов называются жрецами, едва ли занимаются чем-то большим, нежели той или иной формой колдовства. *Пайе*, или жрец, у мундуруку «устанавливает время, наиболее подходящее для нападения на врага, изгоняет злых духов и, по его утверждению, лечит больных». Примерно так же обстоит дело у *уаупе*. В различных племенах Северной Америки, таких, как клаллам, чиппевеи и кри, действия жреца являются не более чем действиями кудесника.

Как нам следует понимать это смешение двух функций и преобладание в древности той колдовской функции, которая становится со временем полностью подчиненной?

§ 590. Если вспомнить, что в примитивном мышлении потусторонний мир является повторением этого мира, причем настолько, что его призрачные обитатели ведут примерно такую же жизнь, состоят друг с другом в таких же социальных отношениях и приводятся в движение теми же самыми страстями, то мы увидим, что различные способы общения с призраками, принятые у знахарей и жрецов, аналогичны тем способам, которые люди применяют в общении друг с другом, и что в обоих случаях эти способы меняются сообразно обстоятельствам.

Посмотрим, как каждый из членов туземного племени относится к другим дикарям. Прежде всего, есть члены соседних племен, хронически враждующих с этим племенем; они все время только и думают, как навредить ему и его соплеменникам. Среди членов его собственного племени есть родители и близкие родственники, от которых он в большинстве случаев ждет покровительства и помощи и по отношению к которым его поведение является в основном дружелюбным, хотя иногда антагонистическим. В числе остальных есть некоторые, стоящие ниже его, над которыми он обычно доминирует; есть другие, превосходящие его — как показал опыт — в силе и хитрости, которых он обычно побаивается и пытается умиловить своим поведением; и есть много третьих, чье низшее или высшее положение пока не определилось и с которыми он ведет себя иногда так, а иногда иначе, в зависимости от случая, переходя при обнаружении той или иной реакции от запугивания к покорности или от покорности к запугиванию. Таким образом, он по-разному приспосабливает свои действия к окружающим: иногда ищет расположения, иногда перечит, иногда прямо вредит, в зависимости от того, что лучше служит его целям.

Первоначально призраки людей воспринимаются как во всем похожие на свои оригиналы. Следствием этого является то, что их собрание, образованное умершими членами данного племени и соседних племен, обычно мыслится каждым как состоящее с ним в отношениях, подобных тем, которые связывают его с живыми друзьями и врагами. Насколько буквально это воспринимается, видно из описания зулусов, сделанного епископом Каллауэем. Его собеседник описывает свои отношения с духом умершего брата:

«Ты приходишь ко мне, приходишь, чтобы меня убить. Ясно, что ты был плохим братом, когда был человеком. Ты что, остался таким же плохим и под землей?»

Призраки и происходящие от призраков боги мыслятся, таким образом, как повторяющие особенности и способы поведения живых людей, а отсюда естественно вытекает, что и способы обращения с ними оказываются теми же: мы видим те же попытки то ублажить, то обмануть, то принудить к чему-либо. Стюарт рассказывает о нага, что они обманывают одного из своих богов, слепого, делая вид, что маленькая жертва на самом деле большая. У бурятов злого духа, которому приписывают болезни, вводят в заблуждение фигуркой человека; предполагается, что дух «ошибочно принимает фигурку за больного» и, когда фигурке наступает конец, думает, что его дело сделано. В Кибокве Камерон видел «бутафорского черта», чьи «функции заключались в том, чтобы отпугивать настоящих чертей, обитавших в лесах». Веря в то, что все вокруг наводнено духами, камчадалы «поклонялись им, когда исполнялись их желания, и осыпали их оскорблениями, когда дела шли из рук вон плохо». Над больным новозеландцем произносились заклинания «в ожидании того, что рассерженное божество будет либо умиротворено, либо отогнано прочь»; с этой последней целью использовались угрозы «убить и съесть его» либо его сжечь. Варали, поклоняющиеся Вагхиа, когда их спрашивали: «Ругаете ли вы когда-нибудь Вагхиа?», — отвечали: «Само собой, ругаем. Мы говорим: “Эй ты, мы дали тебе цыплят, козла, и ты нас еще обижаешь! Чего еще тебе нужно?”» Кроме того, к случаям вроде этих, в которых поведение по отношению к некоторым призракам и производным от призраков богам является целиком или частично антагонистическим, следует добавить случаи, встречающиеся в изобилии повсюду, в которых призраков, предположительно состоящих в дружеских отношениях с живыми, умиляют дарами, восхвалениями и выражениями покорности с целью снискать их благорасположение; призраки эти получают дополнительные умиления, когда предполагается, что они сердятся и, следовательно, вполне могут причинить зло.

Таким образом, возникает общий контраст между действиями и характерами людей, которые общаются со сверхъестественными существами антагонистически, и людей, которые общаются с ними на началах симпатии. Отсюда разница между знахарями и жрецами, и отсюда же раннее преобладание знахарей.

§ 591. В примитивных обществах отношения вражды как вне племени, так и внутри него более распространены и заметны, чем отношения дружбы; поэтому двойники мертвых чаще мыслятся как враги, нежели как друзья.

Как уже было подробно показано в §§ 118 и 119, одно из первых следствий, выводимых из теории призраков, состоит в том, что призраки — причины несчастий. Предполагается, что многочисленные двойники умерших, обитающие по соседству, — это двойники врагов племени. Среди остальных большинство составляют призраки, с которыми существовали отношения антагонизма или ревности. Кроме того, призраки друзей и даже родственников тоже склонны затаивать внутри обиду и мстить за себя. Следовательно, несчастные случаи, неудачи, болезни, смерти беспрестанно навевают мысли о вмешательстве злых духов и необходимости с ними бороться. Изобретаются способы их отпугивания; человек, о котором ходит слава, что он достиг успеха в применении таких способов, становится важным персонажем. Исходя из примитивного представления о сходстве призраков со своими оригиналами в чувствах, эмоциях и идеях, он пытается напугать их угрозами, гримасами и ужасными шумами, внушить им отвращение зловонными запахами и вещами, которых они терпеть не могут, или, в случае болезни, сделать тело нежеланным для

них обиталищем, подвергая его невыносимой жаре или всевозможным действиям насильственного характера. И если знахарю удастся ввести себя и других в заблуждение, что духи были им изгнаны, то его начинают считать способным повелевать ими и, тем самым, получать сверхъестественную помощь: как пример можно взять уаупе, у которых паге, «как считается, обладает способностью губить врагов, вызывать или отгонять дождь, убивать собак, вносить разлад в игру, заставлять рыбу покидать реку и насылать различные болезни».

Преобладание в древности знахаря, в отличие от жреца, имеет еще одну причину. Первое время единственными призраками, которых считают дружелюбными, являются призраки родственников, особенно родителей. Поэтому умилюющие действия, выполняемые в основном потомками, относительно приватны. Но функции знахаря не ограничиваются этим масштабом. Как человека, изгоняющего злых духов, его приглашают то эта семья, то другая; он становится публичным деятелем, имеющим обязанности, зона выполнения которых совпадает с территорией племени. Такой жреческий характер, который он время от времени приобретает за счет проведения умилюющих мероприятий, меняет его исходный характер лишь в очень незначительной степени. Он остается в сущности экзорцистом.

Следует добавить, что знахарь, в собственном смысле слова, в какой-то мере способен к высшему развитию в качестве социального фактора, хотя и не может в этом отношении сравниться со жрецом или священником. В § 474 мы уже приводили примеры, показывающие, что репутация колдуна иногда способствует завоеванию и удержанию политической власти. Вот еще один пример:

«Король *Великого Кассана* [Гамбии], по имени *Магро*... был искусен в *Некромантии*... Однажды, дабы показать свое искусство, он вызвал сильный Ветер... В другой раз, желая найти решение какого-то спорного вопроса, он вызвал своими Чарами дым и пламя из-под Земли, благодаря чему получил ответ на свои сомнения».

Кроме того, в § 198 мы видели, что знахарь, внушающий людям страх, превращается иногда в божество.

§ 592. На следующих стадиях, когда формируются социальные ранги, начиная с главного правителя и ниже, когда вырастает мифология, в которой проводятся градации сверхъестественных существ, и когда одновременно развивается жречество, занятое служением тем высшим сверхъестественным существам, которых нельзя ни к чему принудить, но можно только умилюить, возникает вторичное смешение функций знахарей и жрецов. Вместо того чтобы изгонять злых духов непосредственно собственной силой колдуна, их изгоняют, прибегая к помощи какого-нибудь высшего духа. Жрец начинает играть роль экзорциста, обращаясь к сверхъестественному существу, с которым он поддерживает дружеские отношения, с просьбой прогнать прочь какое-то низшее сверхъестественное существо, творящее всевозможные козни.

Эту частичную узурпацию жрецом функций знахаря мы прослеживаем в одинаковой степени как в древнейших, так и в ныне существующих цивилизациях. С одной стороны, мы имеем факт, что египтяне «верили... в постоянное вмешательство богов в их жизнь, и их магическая литература базируется на представлении об устрашении одного бога вселяющими ужас проявлениями более могущественного божества»; с другой стороны — факт, что в старых изданиях нашей «Книги общей молитвы» нечистым духам повелевают стинуть «во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Здесь можно добавить предоставляемые древними записями сведения о том, что высшие сверхъестественные существа, привлекаемые для изгнания низших сверхъестественных существ, сами одно время были знахарями. Так, обобщая переведенную им древнюю табличку, Смит говорит:

«В ней предполагается, что над человеком висело проклятие, и Меродах, один из богов, увидев это, отправился к богу Хеа, своему отцу, и расспросил о том, как можно его излечить. Хеа, бог Мудрости, связал в ответ церемонии и заклинания, которые должны были его исцелить. О них как раз и сообщается в табличке на благо верующих во все времена».

§ 593. Итак, разобравшись, что в примитивных верованиях двойники умерших, похожие во всем на свои оригиналы, позволяют, чтобы с ними обращались так же, и что, следовательно, их можно заставить творить добро или воздерживаться от причинения зла, подкупая их, восхваляя, прося у них прощения, либо обманывая и умасливая, либо угрожая, пугая и принуждая, мы видим, что способы обращения с призраками, разделяемые в целом на антагонистические и симпатические, дают начало различию между знахарем и жрецом.

Здесь нет нужды прослеживать до конца сравнительно незначительные социальные последствия, вытекающие из фигуры знахаря. Мы уже говорили, что в некоторых случаях он обретает политическое могущество, а иногда после смерти становится объектом культа. Достаточно будет добавить, что в процессе развития цивилизации у него появляется множество все более неброских на вид преемников, которые, фигурируя под тем или иным именем и пользуясь тем или иным методом, слынут носителями сверхъестественного могущества или знания. Случайные их образчики до сих пор сохраняются в наших сельских районах под личиной ведуний, гадалок и т.п.

Меж тем еще один класс лиц, ведающих сверхъестественным, который становится видным и могущественным и обретает по мере развития общества организацию, часто очень сложную, и господство, иногда высшее, требует с нашей стороны более подробного рассмотрения.

Глава III. Жреческие обязанности потомков

§ 594. Как мы уже видели (§ 87), в некоторых случаях существует обычай расчленять трупы с целью не допустить их воскресения и последующего причинения ими беспокойства, в других же случаях, когда таких мер защиты не предпринимают, к мертвым относятся с ужасом, не проводя различий между родственниками и другими, и считают их источником неудач и болезней. Примеры этого верования, существующего у разных туземных народов, были приведены в части I (главы XVI, XVII). Вот еще один из Новой Британии:

Туземцы матукананута «хоронят умерших под хижинкой, в которой в последнее время жил покойный; затем родственники отправляются в долгое путешествие на каноэ, покидая дом на несколько месяцев... Они говорят, что... какое-то время после смерти дух почившего остается в последнем месте своего проживания, но, не найдя никого, кого можно помучить, в конце концов, слава Богу, уходит; тогда оставшиеся родственники возвращаются в дом и живут в нем, как раньше».

Даже в тех случаях, когда считается, что призраки обычно смотрят на своих потомков доброжелательно, они склонны обижаться и нуждаются в умилоствлении.

Мы читаем о санталах, что из тихого сумрака соседней рощи «прошлые поколения следят за тем, как их дети и дети их детей выполняют свои роли в жизни, и взгляд их при этом нельзя назвать недружественным. Тем не менее призрачные обитатели рощи являются суровыми критиками и насылают искривление конечностей, судороги и проказу, если их должным образом не улаживать».

Между тем, признавая тот факт, что призраков вообще обычно считают более или менее злыми, мы обнаруживаем, как и можно было ожидать, что у призраков родственников предполагается наименьшая степень враждебности и наибольшая степень дружелюбия. А у некоторых народов такие призраки считаются даже всецело добрыми, например, у каренов, считающих, что их достославные предки «осуществляют общую заботу о своих детях на земле».

Хотя у разных народов умилоствивляют в основном злых духов, тогда как добрых игнорируют ввиду маловероятности причинения ими вреда, все же везде, где культ предков сохраняет свои первоначальные очертания, мы находим, что основное внимание уделяется духам родственников. В силу того, что приношения на могилы первоначально подсказываются любовью к умершему, а восхваления вызываются действительными сожалениями о его (ее) кончине, естественным образом оказывается, что эти умилоствивительные действия совершаются в большей степени родственниками, нежели другими.

§ 595. Отсюда повсеместно подтверждаемая примерами истина, что исполнителями обрядов примитивного культа являются с самого начала дети или другие члены семьи. Отсюда же тот факт, что на Самоа

«молитвы на могиле родителя, брата или вождя были обычным делом. Некоторые, например, заболев, молятся о здоровье и могут после этого либо выздороветь, либо не выздороветь».

Отсюда же факт, что на острове Банкс люди, отправляясь в морское путешествие, обычно говорят:

«Дядя! Отец! много свиней для тебя, много денег, кава для утоления твоей жажды, двадцать корзин еды для утоления твоего голода в каное. Молю тебя, присматривай за мной; дай мне безопасно пройти по морю».

И сюда же относится еще один факт, что негры Блантайра

«помолившись об успешной охотничьей экспедиции и возвращаясь домой нагруженными дичью или слоновой костью... знают, что все это благодаря их старому родственнику, и приносят ему благодарственную жертву. Если охота оказывается безрезультатной, они могут сказать: "Дух сердился на нас"... и отказать ему в благодарственном приношении».

Несомненно, эти случаи, подтверждающие множество приведенных нами ранее, демонстрируют зачатки семейной религии. Наряду со страхом перед сверхъестественным существом, составляющим центральный элемент любой религии, мы видим жертвоприношение и молитву, благодарность и надежду, а также ожидание благ, соразмерных умилоствивительным обрядам.

§ 596. Итак, мы получаем истолкование того факта, что в неразвитых обществах жреческие функции обычно рассеяны между разными лицами.

В наше время мы находим то же положение дел у нецивилизованных народов — например, в Новой Каледонии, где «почти каждая семья имеет своего жреца», на Мадагаскаре, где другие культы возникли «гораздо позже основного поклонения

домашним богам», и среди туземных народов Индии, которые, хотя и умилоствляют предков, не имеют «обычно постоянного и установленного жречества». Так же обстояло дело с народом, сделавшим первые шаги в развитии цивилизации, а именно египтянами. Каждая семья приносила жертвы своим умершим; поклонение более великим божествам тоже было наполовину частным, обряды совершались действительными или номинальными потомками. Примерно так же было у греков и римлян, совмещавших жертвоприношения публичным богам, совершаемые обычно жрецами, с принесением частными лицами жертв своим домашним богам, которыми были умершие родственники. И то же сохраняется в настоящее время в Китае, где жречества, посвященные более широким культам, не заменили исконного почитания умерших прародителей их потомством.

Установив таким образом, что на самой ранней стадии умилоствление двойника умершего человека с помощью приношений, восхвалений и т.п. осуществляется его живыми родственниками, мы должны далее заметить, что этот семейный культ приобретает более определенную форму вследствие возложения его функций на одного члена семьи.

Глава IV. Старшие потомки-мужчины как квазижрецы

§ 597. Хотя на самых ранних стадиях жертвоприношения призраку умершего совершаются потомками вообще, пусть и в соответствии с законом нестабильности однородного, в скором времени возникает неравенство: функция умилоствления переходит в руки одного члена группы. Мы читаем о самоанцах, что у них «отец семейства был *высоким жрецом*». То же самое у таитян: «в семье... жрецом был отец». Относительно Мадагаскара Друри говорит: «Каждый мужчина здесь... является Жрецом для себя и Семьи». Так же и в Азии. У остяков «отец семейства был единственным священником, магом и боготворцем»; а у гондов религиозные обряды «по большей части выполняются кем-то из родственников преклонного возраста». У высших народов дело обстоит или обстояло так же. У нынешних индусов ежедневное жертвоприношение предкам совершает глава семьи. В то время как «каждый добропорядочный китаец регулярно, каждый день возжигает благовония перед поминальной табличкой своего отца», по важным случаям обряды совершаются главой братства. О том, что семейное руководство приняло на себя аналогичные обязанности в отношении поклонения манам у греков и римлян, не нужно и говорить. О примитивных сабеях Палгрейв замечает: «Руководство в поклонении, видимо, было просто привилегией старшего возраста или главенства в семье». Даже у евреев, которым умилоствление умерших было запрещено, долго сохранялся обычай, из него вытекающий. Куэнен отмечает, что хотя до времен Давида «компетентность каждого израильянина в принесении жертв не подлежала сомнению», все-таки «привилегией этой пользовались прежде всего цари и главы племен и семей».

В ходе эволюции во всех ее формах дифференциация всегда тяготеет к большей определенности и закреплению; и названная выше дифференциация не исключение. Со временем этот обычай укореняется настолько, что совершение обрядов жертвоприношений предкам переходит к конкретным потомкам. Так, сэр Генри Мэн пишет о древних ариях: «Не только почитаемым предком должен быть предок-мужчина, но и служителем культа должен быть ребенок мужского пола или иные потомки-мужчины».

§ 598. Отсюда некоторые следствия, которые мы должны принять во внимание, прежде чем сможем правильно понять устанавливающиеся со временем институты. В древнем Египте «важнее всего было, чтобы у мужчины был сын, занимавший впоследствии его место, который совершал бы должные обряды [принесения жертв его *ка*, или двойнику] и следил за тем, чтобы они совершались другими». Еще острее ощущали эту потребность древние арии. Как сообщает Дункер, «в соответствии с законом [брахманов] каждый мужчина обязан жениться; у него должен быть сын, который сможет когда-то совершить за него возлияния в честь умерших». Далее мы читаем:

«Но главная причина [разрешения полигамии] была в том, что у отца обязательно должен родиться сын, чтобы совершать для него возлияния в честь умерших. Если законная жена была бесплодна или приносила только дочерей, этот недостаток должен был быть исправлен за счет второй жены. Даже теперь индусские жены в подобном случае настоятельно требуют от своих мужей, чтобы те брали вместе с ними вторую жену, дабы они не могли умереть, не оставив после себя потомков мужского пола. Насколько сильно в древности ощущалась эта необходимость, показывает место в Ригведе, где бездетная вдова приглашает к себе в постель своего деверя, а также эпическое сказание о вдовах царя, умершего, так и не оставив после себя сына, для которого растит детей родственник, и эти дети переходят в потомство умершего царя (р. 85, 101). Право показывает, что такой обычай существовал, а не является плодом поэтического воображения. Он позволяет, чтобы сын был зачат братом мужа или ближайшим родственником после него — в любом случае это должен быть мужчина той же расы (готра), — вплоть до того, что это может делаться при живом муже с его согласия».

У евреев, хотя их закон запрещал приносить умершим материальные жертвы, тоже сохранялась потребность в сыне для произнесения жертвенных молитв:

«Отчасти это страстное желание иметь сыновей коренится в том факте, что только мужчины имеют действительное право молиться, только мужчины могут повторять кадиш — молитву, ставшую едва ли не краеугольным камнем иудейства, ибо считается, что в ней заключена чудесная сила. Считается, что эта молитва, произносимая детьми над могилами родителей, вызывает их души из чистилища и что она способна проникнуть в могилы и рассказать умершим родителям о том, что дети их помнят».

То же самое в Китае, где главной жизненной заботой было обеспечение надлежащих жертвоприношений после смерти. Если первая жена не родила сына, который мог бы их совершать, это считается законным основанием для того, чтобы взять вторую. В Корее, где похоронные церемонии настолько сложны, что плакальщикам подаются сигналы, когда нужно начать рыдать или прекратить рыдания, мы видим квазижреческую функцию сына и находим указание на происхождение этой функции. После смерти «кто-то из мужчин сразу должен быть назначен Шанджу, или Главным Плакальщиком мужского пола. На роль Шанджу больше всего подходит старший сын, если он жив, а если его нет, то больше подходит его сын, нежели брат... Когда собираются друзья, они вместе скорбят во главе с Шанджу». В число обязанностей Шанджу входит вкладывание пищи в уста умершего; одновременно выполняется почитательный поклон, обнажающий его левое плечо.

§ 599. Примитивная и живучая вера во вторую жизнь, повторяющую первую своими потребностями, — вера, которая, как мы видим, способствовала появлению удивительных обычаев приобретения настоящего или номинального сына, который

служил бы удовлетворению этих потребностей, — подсказала в других случаях обычай, который, хотя у нас встречается и нечасто, был и до сих пор остается распространенным в обществах, менее отошедших от ранних типов: распространенным настолько, что это вызывает у нас удивление, пока мы не понимаем его происхождение. Сатов сообщает: «Практика усыновления, обеспечивающая бездетных наследниками, повсеместно принята на Востоке, но в Японии ее оправдывают необходимостью продолжения жертвоприношений предкам». Описания греков и римлян показывают нам, что схожий обычай определялся у них аналогичным мотивом. Хотя, как было показано в §§ 319 и 452, практика усыновления у этих людей сохранилась с тех времен, когда главной ее целью было укрепление патриархальной группы, все-таки ясно, что более специальная форма усыновления, выросшая впоследствии, имела другую цель. Такая церемония, как притворные роды, посредством которой фиктивного сына заставляли симулировать, насколько возможно, реального сына, не могла иметь политическое происхождение, но должна была иметь домашнее происхождение, и именно на него мы выше указывали. Как отмечает проф. Хантер, Гай говорит о «великом желании предков, чтобы место наследника было кем-нибудь заполнено, дабы было кому выполнять священные обряды, особенно необходимые на случай смерти». И поскольку контекст показывает, что это было главной причиной легкого узаконения наследования, то нам ясно, что быстрое вступление в права наследования было вовсе не в интересах сына, фиктивного сына или приемного сына, а в интересах умершего. Как в древнем Египте мужчины завещали имущество жрецам и брали их на содержание, чтобы те совершали жертвоприношения в возведенных в их честь частных святилищах, так и римские отцы старались отыскать себе преданных наследников, не естественных, так искусственных, которые обслуживали бы их духов из переданного им имущества.

Еще одним важным свидетельством является тот факт, что вступление в права наследования включало жертвоприношение. Так было у восточных ариев. Сэр Генри Мэн, обсуждая «сложную литургию и ритуал» культа предков у индусов, пишет: «В глазах древнеиндийского жреца-законодателя, все право наследования держится на его неукоснительном соблюдении». Или, как пишет о них проф. Хантер, «древнейшие понятия о наследовании имущества умерших связываются скорее с обязанностями, чем с правами, и скорее с жертвоприношениями, чем с собственностью». Так же было и у западных ариев. Сэр Генри Мэн цитирует обращение греческого оратора от имени тяжущейся стороны: «Решайте же, кто из нас должен получить наследство и совершать жертвоприношения на могиле». И он отмечает, что «количество, расточительность и важность этих церемоний и приношений [умершим] у римлян» были такими, что даже когда на них стали обращать меньше внимания, «расходы на них все еще лежали тяжелым бременем на наследниках». Более того, в видоизмененной форме это общее представление сохранялось даже в средние века в христианском мире. Личная собственность считалась «прежде всего фондом для совершения месс, призванных возволить душу владельца из чистилища».

То, что эти обязательства перед умершими имели религиозный характер, видно из того факта, что там, где они дожили до наших дней, они предшествуют всем другим обязательствам. В Индии «человеку могут простить несоблюдение всех социальных обязанностей, но его навеки проклянут, если он не выполнит похоронных обрядов для своих родителей и не будет приносить полагающиеся им жертвы».

§ 600. Чтобы лучше понять древние представления о притязании, якобы предъявляемом двойником умершего человека на свою собственность и на своего наследника, полезно привести несколько древних примеров того, как сын или кто-то, занимающий в силу своего рода фикции положение сына, говорит о своем умершем действительном или номинальном отце или же разговаривает с ним.

В Бени-Хасане в Египте надпись Хнумхотепа гласит: «Я заставил цвести имя отца моего, я построил молельни для его *ка*. Я приказал, чтобы статуи мои перенесли в священное помещение, и раздал им их приношения в виде чистых даров. Я назначил прислуживающего жреца, которому передал в дар земли и крестьян». Схожим образом в Абидосе Рамзес II говорит о культе своего отца, Сети I:

«Я посвятил тебе земли Юга, дабы они служили твоему храму, и земли Севера, они приносят тебе свои дары, предстая перед твоим прекрасным ликом... Я закрепил за тобой много полей... велико их число, если обмерить их в акрах. Я дал тебе землемеров и землепашцев, дабы поставляли зерно для твоих доходов».

Обе эти выдержки показывают наследника своего рода распорядителем имущества умершего, управляющим от его имени.

Так же обстояло дело и в соседней империи. «Первых правителей [Ассирии] называли Патеси, или “наместниками“ Ашшура»; и надпись Тиглат-Пилезера гласит:

«Ашшур (и) великие боги, защитники моего царства, правящие моими владениями и дающие им законы, велевшие расширить границы их территории, вверившие в (мои) руки своих храбрых и воинственных слуг, я подчинил земли, народы, твердыни и царей, враждебных Ашшуру».

Если теперь вспомнить, что в Египте *ка*, или двойник умершего, должен был, как ожидалось, вернуться после продолжительного отсутствия, воскресить его мумию и возобновить его прежнюю жизнь, если мы вспомним еще случай перуанцев, которые, так же тщательно заботясь о благополучии мертвых, так же верили в то, что те в конце концов вернутся, если мы обнаруживаем, что нас в силу этого тянет возвратиться к примитивному представлению, что смерть — всего лишь надолго приостановленная жизнь, то мы можем заподозрить, что в начале всего этого лежало представление о том, что когда человек воскреснет, он востребует назад все, что имел. И, стало быть, всякий, кто бы ни владел его имуществом, владеет им на условиях приоритета его притязаний, владеет им как своего рода временный арендатор, который может быть лишен всего настоящим собственником и священный долг которого тем временем состоит в том, чтобы управлять этим имуществом прежде всего на благо собственника.

§ 601. Однако независимо от того, так это или не так, факты, собранные выше, ясно показывают, как у прародителей цивилизованных народов Старого Света, а также у народов, все еще сохраняющих древние институты, выработались упорядочения семейного культа, существовавшие в прошлом или все еще существующие сегодня.

Что произошло там, где появился счет происхождения по женской линии, неясно. Я не встретил ни одного утверждения, которое показало бы, что в обществах, характеризующихся этим обычаем, долг служения двойнику умершего мужчины передается одному из его детей, а не другим. Однако приведенные выше факты показывают, что там, где установилась система счета родства через мужчин, наследование жреческих функций подчиняется тому же закону, что и наследование собственности; есть еще и другие факты, показывающие это более прямо.

В настоящее время связь между первым и вторым хорошо видна в Китае, где «считается необходимым, чтобы был кто-то, кто *будет воскурять фимиам духам мертвых*, от старшего сына до потомков старшего сына по прямой линии, будь то собственный ребенок или приемный», и где старший сын, получающий в наследство больше по сравнению с другими сыновьями, должен нести издержки совершаемых приношений. Так же обстоит дело в Корее, где, как уже отмечалось выше, Шанджу, или главным плакальщиком, становится либо старший сын, либо старший сын старшего сына. Когда тело передается земле, «если в этом месте уже есть могилы предков, Шанджу совершает жертвоприношения и им тоже, сообщая им тем самым о новом прибытии».

Эти факты, наряду с ранее приведенными, демонстрируют, что передача священного поста сопровождает передачу собственности, ибо из собственности должны были покрываться издержки, связанные с жертвоприношениями. Мы видим, что в обществах, характеризующихся патриархальной формой организации, только сын, могущий быть наследником, мог обладать всеми необходимыми средствами для служения умершим, и, стало быть, только он единственный мог быть жрецом. Отсюда с очевидностью вытекала необходимость иметь потомков мужского пола, на что выше уже указывалось.

В то же время мы видим, насколько в патриархальном типе общества на первых его стадиях не разграничиваются домашнее, политическое и церковное. Жертвоприношения, совершаемые умершему главе семейной группы, являются прежде всего домашними. Когда из семейной группы развивается составная группа, возглавляющий ее патриарх приобретает квазиполитическое качество; и эти приношения, совершаемые ему после смерти, близки по характеру к дани, а исполнение оставленных им повелений, неподчинение которым может по его возвращении повлечь наказание, предполагает гражданское подчинение. В то же время, поскольку эти действия выполняются для умиловления существа, выделяемого как сверхъестественное, лица, их выполняющие, приобретают квазипатриархальное качество.

Примечания

1. Для самого аргумента не имеет значения, был ли это олимпийский Зевс или какой-то другой. Достаточно того, что он был царем, живущий в горах призрак которого стал богом, отдающим свои повеления. Но то, что эти два персонажа были поначалу одним лицом, было бы вполне разумным умозаключением. Веря в бога, живущего на ближайшей горе, где собираются облака, странствующий народ, поселившись в другом месте неподалеку от горы, аналогичным образом воспринимаемой в качестве источника бурь, мог естественным образом прийти к выводу, что его бог переселился вместе с ним. Недавно опубликованный труд *Africana* дал мне кое-какие сведения, подтверждающие это умозаключение; ваю считают высшими некоторых богов, первоначально живших в стране, которую они покинули, и вместе с тем эти боги должны в каком-то смысле присутствовать рядом с ними, чтобы считаться их высшими богами. Иная генеалогия олимпийского Зевса почти ничего не значит, если учесть, какие различия в генеалогии исторических лиц были у греков.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Продолжение следует...